

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Р.В. Леушкин

ВИРТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОСТЬ ИЛИ ТРАНСГРЕССИЯ?

Аннотация. В данной статье приводится исследование системных и структурных свойств конкретных форм социальной коммуникации, на определённом этапе их становления и развития. Осуществляется сравнительный анализ различных исторических форм социальной коммуникации, представляемой как процессуальная сторона функционирования социально-коммуникативных систем. В частности, выделяется такая форма социальной коммуникации, как виртуальная. Рассматриваются такие способы её представления, как трансцендентализм и трансгрессия. Первый воплощается в структуралистском подходе к её исследованию, второй – в конструктивистском. Понимание виртуальной социальной коммуникации в данном исследовании опирается на структурно-функциональный и социально-конструктивистский подходы. В ходе исследования эксплицируются такие модусы существования виртуальной социальной коммуникации, как виртуальное социальное пространство и виртуальное социальное время. Устанавливается, что в регуляции виртуальной социальной коммуникации задействованы как структурные, так и конструктивные факторы. Формулируется вывод, согласно которому дальнейшие исследования виртуальных социальных явлений могут быть продуктивны только в том случае, если учитывается их двойственная природа.

Ключевые слова: виртуальная социальная коммуникация, социально-коммуникативная система, виртуальное социальное пространство, трансгрессия, структурализм, социальный конструктивизм, социальная структура, социальный конструкт, виртуализация, полионтизм.

Review. This article presents the study of system and structural properties of concrete forms of social communication at a certain stage of their formation and development. The comparative research of various historical forms of social communication presented as the procedural aspects of the functioning of social communication systems. In particular, the author focuses on virtual communication as a form of social communication. The author views transcendentalism and transgression as the methods of provision of such type of communication. The former is presented in the structuralist approach to the study, the latter is presented in the constructivist approach. Within the framework of the present research the concept of virtual social communication is based on the structural-functional and socio-constructivist approaches. The study explicated such modes of existence of virtual social communication as a virtual social space and virtual social time. It is established that regulation of the virtual social communication involves both structural and constructivist factors. At the end of the article the author makes a conclusion that further studies of virtual social phenomena can be productive only if they take into account the dual nature of such phenomena.

Keywords: polyontism, social constructionism, structuralism, transgression, virtual social communication, social communication system, virtual social space, social structure, social construct, virtualization.

Центральной проблемой данного исследования является проблема понимания виртуальной социальной коммуникации. Этот феномен является достаточно молодым образованием в социальной жизни, по-

этому не приобрёл до сих пор устойчивого представления в науке и философии. Дискуссионными являются вопросы о способе существования виртуальной социальной коммуникации, механизмах её функционирования, формах, в которых она реали-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-33-01222а2).

зуется. Однако очевидным остаётся тот факт, что с каждым годом виртуальная социальная коммуникация всё активнее вторгается в привычную социальную реальность и изменяет её [1].

Изучение характера организации виртуальной социальной коммуникации, её структурных особенностей напрямую связано с определённым её пониманием. Всего можно выделить два наиболее крупных направления в понимании социальной коммуникации, первое имеет трансценденталистский, второе – трансгрессивный характер. В качестве одной из форм трансцендентализма выступают структуралистские концепции виртуальной социальной коммуникации, трансгрессивное её понимание выражено в социально-конструктивистских построениях. Далее представлен подробный анализ данных подходов.

Исходная методологическая установка нацеливает на анализ такой теоретической конструкции, как «исторически-специфическая коммуникативно обусловленная социальная система», которая строится на понимании социальных систем как коммуникативных (Н. Луман) и концепции массовой коммуникации (М. Маклюэн).

Как любая система она включает в себя элементы. Здесь это единичные коммуникации, не сводимые к единичному автономному одномоментному акту, но представляющие собой динамическую самореферентную связь. «Анализ самореферентного образования систем на основе двойной контингентности вынуждает нас к пересмотру пространственного представления о том, что социальная система состоит если не из лиц, то хотя бы из действий. ... Социальность не есть особый случай действия, а действие конституируется в социальных системах через коммуникацию ... Базальный процесс социальных систем, производящий элементы, из которых они состоят, может быть в таких обстоятельствах лишь коммуникацией» [2, с. 193]. Именно совокупность таких динамических коммуникативных связей образует жёсткую социальную структуру. Таким образом, изменение характеристик связей приводит к изменению социальных структур на уровне крупных социальных систем. Прежде всего, это касается пространственных и временных свойств социальной системы. Образование новых форм связей в социальных системах вызывает их кардинальное перестроение, в ходе которого возникают новые социальные системы. Ведущую роль в интеграции новых социальных систем играет форма коммуникативных связей эле-

ментов системы. Таким образом, можно говорить о существовании специфических социальных коммуникативных систем [3].

Каждая социальная коммуникативная система имеет ряд функциональных и морфологических отличий от других коммуникативных систем, что подтверждает огромный фактический и статистический материал, представленный в работах М. Маклюэна, Г. Инниса, Э. Тоффлера, М. Кастельса, Д. Белла, А.В. Соколова и многих других исследователей социальной коммуникации. Выделяется три вида коммуникативной связи, это устная, печатная и электронная коммуникация. Каждая из них порождает определённую социальную структуру. Совокупность элементов, объединённых данными связями, складывается в специфическую социально-коммуникативную систему. Всего, таким образом, можно выделить три вида социально-коммуникативных систем: устная, печатная, виртуальная (электронная).

В виртуальной социально-коммуникативной системе связи между элементами образованы коммуникациями, осуществляемыми посредством информационно-коммуникационных технологий. Данные связи не совпадают со связями печатной и устной коммуникации и таким образом, формируют собственную структуру. Другими словами, конституируются параллельно существующие системы социальной коммуникации.

Анализ условий, которые определяют специфику конкретных социальных коммуникативных систем, выявляет отличия структурной организации в различных видах социальных коммуникативных систем. И, наконец, появляются достаточные теоретические основания для прояснения системных и структурных особенностей такого вида социальной коммуникации, как виртуальная.

В рамках структурного подхода к исследованию виртуальной социальной коммуникации происходит выделение определённых онтологических структур, которые выступают основанием существования социально-коммуникативных систем. Например, в философии М. Фуко выделяется такая структура, как «эпистема». Эпистема характеризуется М. Фуко как дискурс-формирующее образование, позволяющее особым образом «видеть» реальность в тот или иной исторический период. Эпистема обуславливает специфику социальной и когнитивной организации различного рода социальных и культурных систем в определённую эпоху [4]. Эпистема определяет также и характер

организации коммуникативных систем, что является значимым при построении теоретических моделей последних. Подобная структура может обуславливать становление виртуалистического дискурса в культуре. Таким образом, возникает необходимость в выделении аналогичной структуры, регулирующей работу виртуальной социальной коммуникации.

К поиску подобной структуры необходимо отнестись критично, так как структурный подход к описанию оснований социальной коммуникации изначально весьма ограничен. Например, У. Эко в работе «Отсутствующая структура» выступает с критикой онтологических притязаний структурализма. Он считает, что структурализм как научное явление представляет собой не более чем метод, и не может претендовать на онтологическое описание реальности. Доказывает он это логически, через применение теории множеств к структуралистским концепциям. При описании поверхностных структур теоретик может выделить в них общую закономерность и описать таким образом глубинную структуру. Однако, по логике Эко, эта глубинная структура не может быть отражением сущностных основ реальности, так как присутствует другая группа явлений, в основе которой можно выделить другую глубинную структуру, которая не будет совпадать с первой. Можно продолжить синтез и выделить ещё более глубинную структуру на базе выделенных глубинных структур, но и она не будет отражением реальности. Конечная структура не может быть истинной хотя бы потому, что исследователь уже преобразует структуру реальности, выделяя в ней сущностные структуры. В данном случае возникает принципиально непреодолимая перспектива трансцендентального. Таким образом, исследователю недоступна конечная структура, и процесс исследования становится бесконечным. Однако, для того чтобы избежать противоречий, исследователь вынужден считаться с тем, что ему не доступны конечные структуры и он всегда имеет дело с промежуточными. Эко также признает, что структура исторична, а не статична и тем более не абсолютна.

Выявление кодов на основе феноменов коммуникации является описанием структуры, с точки зрения У. Эко. Структуралистская методология и даёт возможность выявить эти коды, однако, изучая структуры, мы не имеем права гипостазировать их как «конечные реальности», так как «конечная реальность», всегда остаётся за пределом струк-

туры, и в некотором роде сохраняет инкогнито, но вполне правомерно говорить о социально-онтологическом условии, которое её конституирует. Однако стоит отметить, что у Эко, существуя в качестве лишь описания кодов, структуры являются пустыми конструкциями, но когда их представляют «как интересубъективные феномены, укоренившиеся в истории и жизни общества, мы обретаем твердую почву под ногами» [5, с. 366]. Собственно культурные коды и являются выражением этих самых социально-онтологических инвариантов («твёрдой почвы»), которые обуславливают закономерные процессы и явления социальной реальности.

Таким образом, вскрываемый в новой форме социальной коммуникации некий социально-культурный код формирует новые структуры социальной реальности. Однако получается, что, если существует множество социальных коммуникативных систем, то можно выделить и множество социально-культурных кодов. Однако если за регуляцией социальной реальности не стоит некий единый (конечный, абсолютный) код, то как быть с представлением о единой социальной реальности? Необходимо сделать вывод о существовании нескольких социальных реальностей.

В целях решения описанного выше противоречия при изучении виртуальной социальной коммуникации, мы прибегаем к модели реальности, в которой нет конечных сущностных структур социальной реальности, но есть континуум структур [6]. Эту идею раскрывает концепция «полионтизма», разработанная в рамках отечественной школы виртуалистики и виртуальной философии. «Виртуалистика, согласно словарю виртуальных терминов Н.А. Носова – парадигматический подход, в рамках которого виртуальные реальности рассматриваются как реалии, обладающие онтологическим статусом существования, а не феномены. Виртуалистика основывается на признании полионтичности виртуальных реальностей» [7, с. 21]. Принципы виртуалистики, в силу своей универсальности, вполне применимы и к социально-философской проблематике, это наглядно демонстрируется в работах А.А. Калмыкова, А.В. Юхвида, Э.Ф. Асадуллина, Я.В. Чеснова. В частности, А.А. Калмыковым рассматриваются виртуалистические характеристики коммуникации, источник которых он усматривает в самой природе социальной коммуникации. Мы же считаем, что виртуализация коммуникативного процесса не является обязательным результатом проявления её сущностных

характеристик. В рамках системного представления коммуникации можно говорить о множестве социально-коммуникативных систем, каждый вид которых образует относительно автономное социальное коммуникативное пространство. Данное пространство можно рассматривать как онтологический горизонт, или особую субреальность внутри социальной реальности.

Таким образом, виртуальная социальная система формирует собственное онтологическое измерение – виртуальное социальное пространство. Данное пространство является атрибутом виртуальной социальной системы и характеризует положение элементов этой системы. Способ размещения этих же элементов в призме альтернативных систем будет, с неизбежностью, принимать также альтернативный характер, что определяет автономию образуемых ими пространств. Совокупность социальных связей и их положение по отношению друг к другу, иерархия и дифференциация выстраивают «географию» виртуального социального пространства, задают потенциал взаимодействий и динамику данного пространства. Тем самым раскрывается другое измерение виртуальных социальных систем – временное, которое эксплицируется понятием – «виртуальное социальное время». Специфика виртуального социального времени выражается в стремлении протекающих процессов к мгновенности, при неограниченности пространственного разрыва элементов системы.

Таким образом, выделяются фундаментальные условия осуществления виртуальной социальной коммуникации, к которым можно отнести специфичные социальные коммуникативные системы, социально-культурные коды, виртуальное социальное пространство, виртуальное социальное время. Это означает, что методологически правомерным будет использование идей классических социальных теорий для анализа виртуальных социальных процессов. Так, появляется возможность проследить динамику виртуальной структуры и выделить её уровни в соотношении с тем, как они конституируются в реальных социальных процессах.

Таким образом, обращение к структуралистским теориям при изучении феноменов виртуальной коммуникации вполне оправдано, поскольку к виртуальным социальным системам применим тот же концептуальный аппарат, который используется при изучении традиционных социальных систем. Однако при интерпретации феноменов виртуальной коммуникации с точки зрения струк-

туралистских теорий необходимо учитывать специфику виртуальности. Эта специфика заключается в деформированном способе существования виртуального социального пространства и времени, в их искусственном и интерактивном характере [8]. Время событий, разворачивающихся в виртуальном социальном пространстве, зачастую сжимается в бесконечно-малую величину, ввиду чего анализ динамики данных событий приходится осуществлять, опираясь на иные факторы. Не менее значима деформация социального субъекта виртуальной реальности [9], возможность существования особых виртуальных объектов и субъектов социальной реальности [10].

В целом, особенность трактовки виртуальной коммуникации через оптику структуралистских теорий заключается в смещении акцента с субстанционального представления о виртуальной социальной реальности на уровень анализа её структурной организации. Кроме того, структуралистская точка зрения на виртуальную коммуникацию обязывает считаться со знаково-символическими системами, в которых проявляется особенность структурной организации виртуальной социальной реальности. К специфике структуралистского видения виртуальной социальной коммуникации стоит отнести и его синхронический и макроскопический характер. В наиболее крупных структуралистских концепциях, описывающих социальные явления, практически нет места микросоциальным коммуникациям. Концепция эпистем М. Фуко, анализ единиц мифа Р. Барта, структурная антропология К. Леви-Строса рассматривают большие социальные структуры в макроскопическом и синхроническом аспекте. Конкретные ситуации «лицом к лицу» по-прежнему остаются прерогативой символического интеракционизма, теории социального действия, функционального подхода.

Теоретики структурализма, давая подробное описание социальной структуре, акцентируют своё внимание на синхронических аспектах социальной реальности, тогда как поле проблематики социальной коммуникации и социальных отношений в значительной мере касается диахронических (в том числе трансформационных) аспектов [11]. Ввиду этого обстоятельства чистые структуралистские модели становятся неудовлетворительными для решения ряда исследовательских задач. Динамический характер виртуальной коммуникации накладывает ограничение на применение структуралистских концептов при описании социальной

реальности в её диахроническом аспекте. Проблематичным становится даже описание виртуальной социальной структуры в силу таких её качеств, как аморфность, хаотическая организация, скорость протекающих процессов, динамичность виртуального пространства и сжатие виртуального времени. Проблематизируется преимущественно избыточный и преодолевающий характер социального субъекта в виртуальном социально-коммуникативном пространстве, самостоятельный и трансгрессивный характер виртуальных дискурсов. В свете вышесказанного необходимым становится поиск средств изучения диахронических аспектов виртуальной социальной коммуникации.

Как связаны процессы виртуализации, формирование «ткани» виртуального социального пространства и коммуникативные явления и процессы – вот основной вопрос, который возникает при попытке описать виртуальную социальную коммуникацию. Тут на первый план выходит проблема, связанная с соотносённостью субъекта коммуникации и виртуальной социально-коммуникативной системы. Прояснения требует особое положение социального субъекта в виртуальном пространстве, его отношение как с виртуальными объектами, так и с другими субъектами виртуальной реальности.

Отчасти ответы на эти вопросы уже имеются в социальном знании. Так, социальный конструктивизм (или конструкционизм) решает задачи по соотносению социальной реальности и конструирующей деятельности субъекта.

Концепция конструирования социальной реальности не противоречит гипотетической идее о конструировании виртуальной социальной реальности. На их равнозначность указывают В.И. Аршинов, И.В. Воробьев, опираясь на понятие интерсубъективности Э. Гуссерля. Они приходят к тому выводу, что и естественные и искусственные реальности оформляются в интерсубъективной коммуникативной реальности [12].

В основе социально-конструктивистского видения виртуальной социальной коммуникации лежат несколько фундаментальных идей, имеющих свои философские традиции. Одна из них – это идея конструирования окружающей реальности, согласно которой реальность субъекта является результатом его мыслительной активности. «Рядовые члены общества ... считают мир повседневной жизни само собой разумеющейся реальностью. Это мир, создающийся в их мыслях и

действиях, который переживается ими в качестве реального» [13, с. 39]. Вторая идея, без которой социальный конструктивизм не мыслим, – это идея интерсубъективности, в основе которой лежат положения Э. Гуссерля, представляющего трансцендентальный субъект посредством интерсубъективности [14]. Э. Левинас, развивая идеи Гуссерля, говорит о том, что субъект способен существовать как таковой лишь во включенности в интерсубъективное пространство бесконечности. Иначе говоря, только в соотнесенности с Другим он обретает своё Я, следовательно, вне коммуникации субъект невозможен.

Если обобщить главные положения социального конструктивизма, представленного теориями А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана и др., то можно сделать вывод: в пространстве интерсубъективных коммуникаций конструируется социальная реальность, в которой происходит социализация, интеграция в общество и институционализация. А с учётом теории структуризации Э. Гидденса [15] оказывается, что в результате конструирующей деятельности социального субъекта оформляется социально структурированное индивидуальное поле коммуникаций. Вырисовывается своеобразный горизонт трансгрессии, область преодоления и расширения границ коммуникативного пространства.

Лежащие в основе социального конструктивизма представления о социализации, становлении жизненного мира индивида в социальной реальности, его позиции по отношению к другому, коммуникативной вовлечённости, позволяют описывать больший спектр коммуникативных процессов, нежели это возможно средствами исключительно структурализма. Данная теоретическая пластичность даёт возможность зафиксировать и описывать ряд «девиантных» феноменов социальной реальности. В особенности социально-конструктивистский взгляд становится привлекательным при описании виртуальной социальной реальности. Так как он позволяет анализировать процесс её конструирования, место индивида в ней, воздействие на его жизненный мир, связь с его сознанием.

Конструктивистские теории социальной коммуникации уделяют должное внимание её диахроническим аспектам, а структуралистское видение направлено преимущественно на синхронические. В виртуальной социальной коммуникации проявляются и те и другие аспекты. Несмотря на види-

мую хаотичность, она имеет в своей основе относительно стабильные структурные элементы. На это указывают процессы дифференциации иерархизации, интеграции. Данные процессы выражаются в том, что в интернет-коммуникации происходит образование сообществ, которые дифференцируются по различным признакам [16]. В таком виде сообществ, как «интернет-комьюнити» присутствует определённый ресурс доверия, который позволяет группам сохранять относительную стабильность [17], он продуцирует структурную организацию и иерархичность сообщества. В подобных образованиях (интернет-сообществах) проявляются как структурные, так и конструктивные особенности существования, что требует одновременно анализировать их с двух позиций.

Виртуальная социальная реальность является ненамного менее сложноорганизованной, чем социальная реальность. Сетевая конфронтация, иллюстрируемая теорией «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), вырисовывает «географию» виртуального социального пространства [18]. Конструирующая роль этого и подобных процессов заставляет обратить внимание не только на конструктивные социальные факторы виртуальности, но и на её структурные уровни. Всё вышесказанное побуждает нас обратиться к синтетическим теориям, в данном случае объединяющим структуралистскую точку зрения на виртуальную коммуникацию и социально-конструктивистскую. Примером синтеза структуралистской и социально-конструктивистской теории можно назвать концепцию социальных полей П. Бурдьё.

В рамках данной концепции ключевыми понятиями являются социальное пространство и время. Пространство социальных взаимосвязей и является социальным пространством, а динамика социальных процессов – социальным временем. Определённые сферы социальной реальности, обладающие относительной автономностью, согласно Бурдьё, являются социальными полями. В общественной структуре социальные поля дифференцированы образующими их габитусами и соответствующими ресурсами, что в значительной мере связывает их с особенностями акторов [19]. Социальное пространство формируется, как под действием социальных структур, так и под влиянием индивидуальной активности отдельного индивидуума. В качестве социальных полей Бурдьё подвергает структурному анализу поле журналистики и телевидения (которое наиболее близко вирту-

альному социальному пространству). Некоторые из свойств поля СМИ, выделенных Бурдьё, по нашему мнению, можно перенести на пространство виртуальной коммуникации.

Выделяя элементы поля СМИ, Бурдьё описывает такого агента, который производит и распространяет легитимный ресурс – качественную, новую, креативную информацию. Если говорить о виртуальном социальном пространстве, то в нём также возможно выделение специфичных для неё габитусов и ресурсов, это во многом характеризует его, как пространство конструирования. Специфика виртуальной коммуникации заключается в том, что роль и возможности участников коммуникации примерно одинаковы. Однако, несмотря на видимость равенства, в виртуальной социальной среде имеется автономная иерархия. Наличие «символической власти» и легитимации ресурсов детерминирует виртуальную социальную стратификацию и структуру взаимозависимых габитусов, определяющих облик виртуальных социальных полей. Локальная интеграция носителей габитусов вокруг агентов-источников (располагающих дефицитным и легитимным ресурсом) наблюдается в виде формирования интернет-сообществ различной степени устойчивости. Это можно отнести к внутренним процессам самоорганизации виртуального социального поля, и это будет характеризовать его как структурно-организованное. Стоит также отметить, что Бурдьё не признавал за социальными полями полной автономности и отмечал взаимопроникновение полей, прослеживаемое траекторией движения ресурсов. Однако, всё же, в виртуальном социальном пространстве имеют место и свои ресурсы, представленные различными формами капитала. Сюда относятся электронные деньги, внутренние игровые валюты, символическая власть, виртуальный социальный капитал. Все эти ресурсы задают силовые отношения между членами данного социального пространства и, по сути, формируют его структуру. Таким образом, можно наблюдать, что в виртуальном социальном пространстве реализуется два фундаментальных процесса социальной интеграции – конструирование и конструирование. Последнее обстоятельство формирует определённую сложность в исследовании виртуальной социальной коммуникации, так как эксплицирует, достаточно сильно проявляющееся в ней свойство, описанной выше, дуальности.

Дальнейшее исследование виртуальной коммуникации требует внесения ясности в ин-

терпретацию статуса виртуальной социальной реальности. Многие феномены виртуальной социальной коммуникации заставляют нас задуматься о природе социальной коммуникации как таковой. Так, сетевая организация виртуального пространства побуждает искать подобные аналогии в реальном социальном пространстве. Подобные сложности возникали и ранее, например, при попытках описывать волнообразные течения моды, информационные эпидемии и массовую культуру в целом.

Виртуальному социальному пространству, структурированному языковым кодом (в коммуникациях, интеракциях и сообщении), как и любой другой социальной сфере, присуща глубинная смысловая наполненность. Нельзя игнорировать циркуляцию смыслов и нарративов в виртуальном пространстве, которые с всё большей очевидностью демонстрируют свою автономность и независимость. Иногда поведение виртуальной среды невозможно предсказать имеющимися средствами. Во избежание краха теоретических моделей виртуальной коммуникации в столкновении с фактами, мы считаем необходимым дополнить её теоретическими моделями, призванными опи-

сывать хаотичные, недетерминированные и трансгрессивные процессы.

Таким образом, в данной работе был представлен структурный и социально-конструктивистский способ понимания виртуальной социальной коммуникации. Виртуальная социальная коммуникация представляет собой динамический процесс, осуществляющийся на уровне виртуальных социально-коммуникативных систем. Условием осуществления виртуальной социальной коммуникации выступает виртуальная социальная реальность, как автономный онтологический горизонт, образованный, прежде всего, виртуальным социальным пространством и временем. Также описаны проблемные моменты использования структурного представления виртуальной социальной коммуникации, заключающиеся в макроскопичности и синхронии. Данные проблемы частично разрешаются применением социально-конструктивистской методологии и выработкой структурно-конструктивистского представления виртуальной социальной коммуникации. Данное исследование может выступать основой для дальнейшего изучения различных феноменов связанных с виртуальной социальной коммуникацией.

Список литературы:

1. Чупракова Н.С. Информационно-психологическое влияние виртуально-коммуникативных средств на молодежь в современном политическом процессе // Национальная безопасность. 2014. № 6. С. 946-955. (DOI: 10.7256/2073-8560.2014.6.13724).
2. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
3. Сметана В.В. Социальная коммуникация. (Социально-философский анализ коммуникативных отношений и коммуникативного дискурса): Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 177 с.
4. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.
6. Носов Н. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.
7. Пронин М.А. Виртуалистика в Институте человека РАН: история и результаты // Генезис категории виртуальная реальность: Материалы международной научной конференции (15 февраля 2008 г.). Саранск: Типография «Рузаевский печатник», 2008. С. 5-43.
8. Калмыков А.А. Коммуникатология и виртуалистика: опыт построения социальной онтологии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2008. № 1/08. С. 36-49.
9. Шалимов А.Б. Диалектика социального и индивидуального в социальных сетях // Психология и психотехника. 2013. № 11. С. 1030-1036. (DOI: 10.7256/2070-8955.2013.11.10108).
10. Калмыков А.А. О виртуалистической природе коммуникации // Философские науки. 2007. № 8. С. 76-88.
11. Лукьянов Г.И., Чередниченко И.А. Разработка теоретических аспектов определения социальной трансформации // Политика и общество. 2011. № 12. С. 82-89.
12. Воробьев И.В., Аршинов В.И. Постнеклассическая рациональность, виртуалистика и информационные технологии // Философские науки. 2007. № 7. С. 9-29.
13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
14. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
15. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурирования. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
16. Ember M. Evolution of the Human Relations Area Files // Cross-Cultural Research. 1997. № 31. P. 3-15.

17. Henri F, Pudelko B. Understanding and analysing activity and learning in virtual communities // Journal of Computer Assisted Learning. 2003. № 19. P. 474-487.
18. State B. The Mesh of Civilizations and International Email Flows // Cornell University Library. (URL: <http://arxiv.org/abs/1303.0045.2013> (дата обращения: 19.09.14)).
19. Бурдье П. Практический смысл. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. 285 с.

References (transliteration):

1. Chuprakova N.S. Informatsionno-psikhologicheskoe vliyanie virtual'no-kommunikativnykh sredstv na molodezh' v sovremennom politicheskom protsesse // Natsional'naya bezopasnost'. 2014. № 6. S. 946-955. (DOI: 10.7256/2073-8560.2014.6.13724).
2. Luman N. Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii. SPb.: Nauka, 2007. 648 s.
3. Smetana V.V. Sotsial'naya kommunikatsiya. (Sotsial'no-filosofskii analiz kommunikativnykh otnoshenii i kommunikativnogo diskursa): Dis. ... kand. filos. nauk. Rostov-na-Donu, 2004. 177 s.
4. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: A-cad, 1994. 408 s.
5. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. SPb.: Simpozium, 2006. 544 s.
6. Nosov N. Virtual'naya psikhologiya. M.: Agraf, 2000. 432 s.
7. Pronin M.A. Virtualistika v Institute cheloveka RAN: istoriya i rezul'taty // Genezis kategorii virtual'naya real'nost': Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (15 fevralya 2008 g.). Saransk: Tipografiya «Ruzaevskii pechatnik», 2008. S. 5-43.
8. Kalmykov A.A. Kommunikatologiya i virtualistika: opyt postroeniya sotsial'noi ontologii // Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Sotsial'no-kommunikativnye nauki». 2008. № 1/08. S. 36-49.
9. Shalimov A.B. Dialektika sotsial'nogo i individual'nogo v sotsial'nykh setyakh // Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 11. S. 1030-1036. (DOI: 10.7256/2070-8955.2013.11.10108).
10. Kalmykov A.A. O virtualisticheskoi prirode kommunikatsii // Filosofskie nauki. 2007. № 8. S. 76-88.
11. Luk'yanov G.I., Cherednichenko I.A. Razrabotka teoreticheskikh aspektov opredeleniya sotsial'noi transformatsii // Politika i obshchestvo. 2011. № 12. S. 82-89.
12. Vorob'ev I.V., Arshinov V.I. Postneklassicheskaya ratsional'nost', virtualistika i informatsionnye tekhnologii // Filosofskie nauki. 2007. № 7. S. 9-29.
13. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.
14. Shyuts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. 336 s.
15. Giddens E. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii. M.: Akademicheskii proekt, 2003. 528 s.
16. Ember M. Evolution of the Human Relations Area Files // Cross-Cultural Research. 1997. № 31. P. 3-15.
17. Henri F, Pudelko B. Understanding and analysing activity and learning in virtual communities // Journal of Computer Assisted Learning. 2003. № 19. P. 474-487.
18. State B. The Mesh of Civilizations and International Email Flows // Cornell University Library. (URL: <http://arxiv.org/abs/1303.0045.2013> (data obrashcheniya: 19.09.14)).
19. Burd'e P. Prakticheskii smysl. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.: Aleteiya, 2001. 285 s.